

Новые участники дискуссии

РЕПЛИКИ К ДИСКУССИИ

А.М. АЙЛАМАЗЬЯН

Айламазьян Аида Меликовна — старший научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.
Контакты: aida@heptachor.ru

Резюме

В работе обсуждаются с методологической точки зрения современная ситуация в психологии, возможные пути построения психологии. Подчеркивая противостояние естественно-научной и гуманитарной парадигмы, проблематизируются такие стоящие перед психологией вопросы, как: возможно ли экспериментальное и, шире, эмпирическое исследование в психологии, не подменяется ли исследование конструированием психологических феноменов, как преодолеть разрыв между академической и практической психологией.

Ключевые слова: *естественно-научная парадигма, гуманитарная парадигма, ценностные основания психологии, позиция исследователя, ценностные основания психологической практики.*

Запрос на методологическую рефлексию в современной психологии как будто отсутствует, что можно принять за симптом благополучного развития и формирования единой

теории психологии. Однако при более пристальном рассмотрении понимаешь, что скорее речь идет об упадке. Признаком такого упадка является победа наиболее простых, но

и наиболее упрощающих (если не сказать вульгаризирующих) способов понимания предмета психологии и построения психологического исследования. Забыта, не реализуется методология Л.С. Выготского (экспериментально-генетический метод), забыты лекции П.Я. Гальперина, извращены в своей интерпретации эксперименты К. Левина и т.п. Упадок теоретического мышления выражается в отсутствии дискуссии и критичности к собственным исследованиям и результатам. Уже не приходится говорить о случившейся коллективной лоботомии, позволившей начисто стереть из памяти критику тестирования.

Массированное наступление и распространение практической психологии, с одной стороны, вдохновляет (наконец-то психология стала дельной наукой), но, с другой стороны, удручает своей неразборчивостью и полной утратой всяких границ и критериев профессионального подхода. Психология, ставшая прибежищем домохозяек с «Рублевки», модным брэндом и частью телевизионных шоу, навряд ли может обращаться к сложному теоретическому аппарату и опираться на него. Да и как признаться, что психология отнюдь не всемогущая наука, что мы так мало знаем о природе человека. Скорее мы только учимся задавать правильные вопросы. Выдавая желаемое за действительное, множась и расширяясь, предлагая свои услуги для решения непосильных для нее проблем, психология рискует серьезно дискредитировать себя как сферу знания. В этом контексте отсутствие специальности «психология» в современном государственном стандарте

может быть понято не только как недоразумение, чей-то недосмотр или недобрые намерения. Ситуация может быть прочитана иначе: нас нет.

Предлагаемый текст не создавался как отдельная работа или статья, а возник как комментарий к дискуссии, проходившей в рамках методологического семинара на кафедре психологии университета «Дубна». Прочитанный автором курс методологии психологии потребовал рефлексии современной ситуации в психологии, одновременно осознания всех возможных путей построения психологии и их философских, ценностных предпосылок. Подчеркивая противостояние естественно-научной и гуманитарной парадигмы, мне хотелось продолжить обсуждение этой темы, инициированное многие годы назад Вадимом Марковичем Розиным, и назвать те извечные вопросы, которые стоят перед психологией: возможно ли экспериментальное и, шире, эмпирическое исследование в психологии, не подменяется ли исследование конструированием психологических феноменов, как преодолеть разрыв между академической и практической психологией?

По поводу гуманитарной парадигмы

Для меня наиболее ярко идея гуманитарной методологии оформлена М. Бахтиным: основной принцип гуманитарного подхода состоит в том, чтобы отнестись к Другому не как к вещи, не как к объекту, а как к субъекту, вступить в диалог.

Требование учета ценностей исследователя не означает, что надо

учесть данные ценности как еще один фактор или переменную в исследовании. Речь идет о другой структуре отношений, о другой позиции, которую занимает психолог, о включенности его личности и опыта в ситуацию познания.

Я бы сказала: психолог не мыслит как физик или гуманитарий... для меня дело обстоит глубже. Это другое существование, это разное существование. Правда, мышление можно также рассматривать как бытийную категорию, как бытие мышления в мире. Тогда становится понятно, что мышление больше, чем совокупность неких операций. Какой-то аспект мышления к этому сводится. Например, вы не знали или не умели решать задачи определенного типа. Вам объяснили или научили, вы освоили некоторые рассуждения, и изменения на операциональном уровне в итоге достигнуты. Совсем другое дело — изменить свою позицию в мире, познавательную установку. Как правило, формально-логических рассуждений недостаточно, чтобы произошла подвижка, сдвиг в сознании — иногда это сродни перевороту, тектоническим процессам в нашем мышлении.

Можно сказать, что естественно-научное и гуманитарное мышление реализуют разную позицию в познании, по-разному бытийствуют в мире. Не следует путать эту позицию в познании с принадлежностью к конкретной дисциплине или области знания. В знании об обществе, о человеке достаточно много и попыток реализовать естественно-научный, объективирующий подход. Интересно, а в физике можно ли реализовать гуманитарный? Думаю, что на уров-

не отдельных ученых это происходило чаще, чем мы предполагаем. Ведь вопрошание своего предмета возможно и по отношению к природе, тогда она становится Природой, Солярисом, и есть вероятность, что человеку не придется вырывать у нее тайны под пытками.

«Ускорители» и мы со своим вопрошанием? Возможно, для кого-то это покажется смешным и несопоставимым. Не знаю, что легче преодолеть: глобальное потепление, экономический кризис или глобальный кризис ценностей, т.е. гуманитарную катастрофу, охватившую западный мир. Мы ускоряем не только элементарные частицы, мы ускоряем нашу жизнь, проводим ее в непрерывной спешке и погоне за ускользающей целью.

Итак, гуманитарное мышление и гуманитарное исследование воспринимают жизнь не отстраненно, не из безопасного укрытия, а, наоборот, заинтересованно, ответственно, являясь частью той жизни, которую стремятся и познавать, и описывать, и созидать. Парадоксальным образом те моменты, которые для естественно-научного подхода становятся криминальными, недопустимыми, сводящими на «нет» объективность исследования, при гуманитарной установке являются условием изучения той или иной психологической проблемы и психологической реальности. Не устранение (как предлагает классическая парадигма естествознания) и не учет субъектности (как предлагает неклассическая парадигма естествознания), а опора на субъектность, на субъекта, на общение, на взаимодействие с другим человеком, на преобразование

сознаний этих субъектов. Субъектность не тождественна субъективности (случайности), наоборот, первая становится условием истинности, глубины и объективности результатов исследования.

Обращаясь к «конкретике», к опыту конкретно-научных, эмпирических разработок в психологии, надо отметить, что гуманитарного в данных исследованиях может оказаться больше, чем реально осознается психологами. Фактически каждое исследование больше или меньше (экспериментальное, диагностическое, формирующее и др.) пронизано общением, буквально пропитано взаимодействием участников исследования, психолога и его «испытуемых». Но не меньше встречается и манипулятивности, откровенного надувательства и обмана (во имя благих целей исследования, конечно). Примеры излишни. За этим скрывается всегда явная или скрытая установка на управление человеком и содержится вера в то, что такое управление возможно. Присутствует и моральное оправдание своего права на эксперимент. Если по-серьезному признать реальность присутствия ценностей исследователя в ситуации исследования, то в каком смысле это можно учитывать? С моей точки зрения, учитывать это можно только в одном смысле — сделать выбор в пользу определенных ценностей, осознанный выбор. Нельзя сидеть на двух стульях: например, если вы в исследовательских целях морите животное голодом, вызываете у него язву экспериментальным путем и т.п., то вы ваш выбор уже сделали.

Но существует и обратное влияние психологических теорий на че-

ловека, его личность и сознание. Хочет того психология или не хочет, но она оказывает огромное влияние на сознание современного человека, в значительной степени определяя и его цели и ценности, и образцы поведения, модели воспитания, семейных отношений, стратегии образования и т.п. Психологические теории активно используются для обоснования поступков и действий. А теперь возьмем наши научные теории, например, в такой области, как мотивация и эмоции. Откровенный редукционизм, примитивность и биологизм большей части этих теорий очевидны. По существу, они упраздняют мир человеческих переживаний, превращая его в некоторый эпифеномен, лишний груз. Примитивное и плоское сознание сбрасывает этот груз («не грузись»), удовлетворяясь упрощенным (но научным!) объяснением человеческого поведения, и творит себя по образу и подобию «примата», «крысы», «компьютера». И выход здесь также предполагает не безразлично-флегматичный учет обратного влияния результатов наших исследований на сознание людей, а выбор. Надо признать, что наши теории изначально обусловлены определенными ценностями и определяют видение смыслов и целей человеческого существования. Поэтому «выброс» в мир, в социальный дискурс психологического знания — это поступок, деяние, которое откликнется, вернется сотворенной психологической реальностью.

Позиция ученого становится гуманитарной, когда он начинает понимать ценностную обусловленность, действенность своего знания и делает соответствующие выборы.

Для меня чрезвычайно важна укорененность знания в опыте. Чтобы стать профессиональным психологом, надо поработать психологом, а не только освоить соответствующую литературу. Живая встреча с человеком, попытки (удачные и неудачные) решить профессиональные задачи в конкретных ситуациях исследования, психологической помощи и поддержки, обучения, коррекции и др. формируют реальные знания, учат наблюдательности и пониманию своей профессиональной позиции. Из конкретной практики и опыта, попыток решить на практике психологические задачи (обучения, воспитания, консультирования и т.п.) рождаются интересные наблюдения и гипотезы, идеи о сущности переживаний субъекта, о структуре той или иной деятельности, о психологическом наполнении действий человека в конкретных ситуациях. Исследователь с гуманитарной установкой осуществляет описание «изнутри» ситуации и не забывает об этом. А если все же забывает, рождаются так называемые «натурализованные» психологические описания, схемы, теории, которые дальше бытуют сами по себе в некоем гипотетическом «психическом» пространстве.

Описание извне и изнутри — это разные формы знания, которые, в конечном счете, могут привести к разным формам понимания причинности. Вообще о психологической причинности можно говорить, когда другие типы причинности (физические, биологические, непосредственно физиологические) как бы действуют вяло, освобождают место, отступают до какой-то степени в тень.

Так, например, когда у человека сильно повышается температура, то степень его опосредованности и опосредствованности психологическими процессами резко снижается, зато многое в его поведении напрямую вызвано причинами физиологического порядка и т.п.

Описание изнутри ситуации, изнутри опыта дает уникальные знания, которые можно назвать свидетельствами и которые нельзя получить из внешней, не включенной в ситуацию позиции.

Об отношении к психологическому эксперименту и практике экспериментального исследования

Как университетский психолог я защищаю научную психологию, но не хочу упрощать проблему и поэтому подчеркиваю поисковый характер психологического знания. Идея создания психологии как науки и осуществления экспериментального исследования воплощалась столь разными способами, что свести их к какой-то одной универсальной логике и процедуре не представляется возможным.

Если посмотреть на психологические исследования «изнутри» ситуации, то можно увидеть и понять: многие психологические методы и методики представляют собой уникальные ситуации порождения психологического опыта, организации психических процессов. Например, эксперимент К. Дункера создает ситуацию, провоцирующую и организующую решение предложенной задачи в форме диалога с экспериментатором. Ассоциативный эксперимент требует другой трансформации

внутреннего опыта и ставит перед испытуемым неожиданную задачу: отвечать первым пришедшим в голову словом, тем самым провоцируя хаотичность психической жизни, которая отсутствует при целенаправленном мышлении и целенаправленном действии. Примеры можно множить вплоть до анализа ситуации проведения Т-групп (групп встреч), в которых отсутствие цели у группы изначально разрушает предметное общение и деятельность, как и соответствующие данной деятельности коммуникативные навыки. Хочу подчеркнуть, что созданные и разработанные методики, приемы экспериментирования составляют золотой фонд психологической мысли и являются собой пример чрезвычайно творческих, иногда гениальных находок и изобретений.

Так, то разрушая предметность восприятия и в целом психической жизни, то моделируя фрагменты этой жизни, предлагая необычные задачи и ситуации, включая и выключая рефлексивные планы сознания, часто манипулируя мотивацией, действует психологический эксперимент. Творчество, искусство психологического эксперимента состоит в создании таких условий, при которых до некоторой степени разворачивается скрытая в обычном режиме сознания деятельность. В этом и сила, и слабость эксперимента. Искусственность условий вызывает необычные режимы работы сознания и позволяет фиксировать психологические феномены. Но та же искусственность ставит вопрос: а не создаем ли мы сами эти феномены в данных условиях?

В обсуждаемом контексте важно отметить следующее: придуманные

психологические ситуации исследования уникальны по своим возможностям преобразования психологического опыта. И за редким исключением они реально соответствуют логике того гипотетико-дедуктивного вывода, который предлагается в работах по планированию эксперимента. Они богаче, не столько проверяют гипотезы, сколько «ловят» феномены. Логика факторов и переменных, столь популярная в современной психологии, едва ли отражает происходящее в процессе исследования. Неслучайно в последнее время в нашей психологии возобладало уже и не экспериментальное исследование (в смысле создания актуальных ситуаций), а изучение корреляций между переменными, по существу, между данными отдельных методик (преимущественно опросников). Работа по осмыслению психологического экспериментирования, логике психологического исследования еще не проведена. Остается под вопросом и проблема психологического закона: что из себя представляют сформулированные в психологии законы? Насколько единообразно понимается закон в разных типах исследования?

Об отношении к культурно-исторической психологии

Я не склонна подрывать традицию культурно-исторической психологии. Считаю работы Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и их последователей высочайшим достижением психологической теоретической мысли и практики психологического исследования.

Тем более на фоне современной ситуации в психологии, когда теоретическое обнищание соседствует и содействует «ползучему эмпиризму», культурно-историческая психология представляется чуть ли не золотым веком научной психологии, недостижимой вершиной. Поэтому для меня задача современного этапа формулируется как продолжение указанной традиции, серьезной психологической школы. Для этого необходимо осмыслить принципиальные предпосылки теории высших психических функций, теории предметной деятельности и умственных действий, представления о структуре действия и движения, а также методологию генетического метода, формирующего эксперимента и мн. др. Эти предпосылки сложнее, чем естественно-научный идеал рациональности, в них явно прослеживается психотехническая установка в исследовании и в понимании предмета психологии; деятельная позиция психолога в исследовании приближает последнее к гуманитарному типу познания и т.д. Эта тема обсуждается в книге Ф.Е. Василюка «Методологический анализ в психологии».

По поводу психологической практики

Я согласна с тем, что реальная психологическая практика значительно превосходит заложенные в ней теоретические представления. Именно поэтому обучение практике абсолютно невозможно по книгам (что, честно говоря, сейчас распространено, когда, например, люди с филологическим или философским

образованием объявляют себя психотерапевтами). Практику передают из рук в руки, при этом учат и пониманию теории практики в действии. Конечно, конкретная работа никогда не ограничивается воплощением какой-то одной конкретной теории, так как практика имеет дело с человеком вообще. И тогда возникает еще один вопрос о специфике знаний и навыков, которые использует в практической работе психолог.

Мне представляется, что эта специфика и привела к возникновению психологической практики, не совпадающей с научной, академической психологией. Практическое знание, практическая теория должна обладать действенной силой. Теории научной психологии этой действенной силой непосредственно не обладают. Приведу пример. Представьте на секунду, что в психологической консультации на приеме мы будем пользоваться языком теории деятельности. Я думаю, что основное время консультации уйдет на объяснение того, что же вы имеете в виду, что такое деятельность или мотивы деятельности. Сравните с психоаналитической теорией: эдипов комплекс, ранняя травма, страх удовольствия и др. Каждое понятие заставляет содрогаться, оно волнует и будоражит сознание при всей фантастичности этих представлений, а может быть, именно благодаря этой фантастичности.

Понятия в психотерапевтических теориях сами порождают смыслы: смысл симптома, смысл проблемы, смысл конфликта, смысл тревоги и т.п. Придумать, открыть такую «теорию» — это особая работа и проявление особого таланта.

Еще одно требование к практической теории — она должна содержать в себе в явном или неявном виде целостное учение о человеке, антропологию, а не быть применением частной теории к частным случаям.

Таким образом, получается, что научная психология не может принять мифологичность, недоказуемость психопрактических теорий и категорий, а психопрактика критикует академическую, строгую психологию за бесплодность. Соединение и пересечение этих направлений возможно только при расширении наших представлений о научности, при вписывании психологических категорий и подходов в гуманитарный контекст и осознании психотехнической, конструируемой природы психологической реальности как реальности предмета психологии.

Об исследовательском потенциале психологической практики

Как же соединить академическую и практическую психологию? Понимание возможно разное. Один из вариантов — пытаться «научно» измерить результаты психологической практики: на входе и на выходе, «до» и «после» фиксированного воздействия. Но каждый из элементов этого рассуждения вызывает недоумение. С какого момента считается «до» и «после»? После того как вы вышли из комнаты и перестали видеть психолога — но ведь вы можете его «видеть» мысленно, вы можете продолжать разговор и после встречи. Воздействие длится. Но нельзя не понимать, что воздействие оказано и

на психолога. И его внутренний разговор также продолжается. В свое время я отчетливо поняла, что очевидность полученного опыта отнюдь не гарантирует непосредственного его прорастания в жизнь — вовсе не достаточно человеку сказать, что этот опыт не подходит, чтобы он его отверг, наоборот, он может быть принят как образец, и будут предприняты усилия для его претворения.

С другой стороны, кому из практиков нужен такой научный подход? Был ли измерен хотя бы один из результатов психоанализа самой известной из психологических практик? Если практикующему психологу не вздумается защитить кандидатскую диссертацию, то навряд ли его будут беспокоить такие вопросы: он и так понимает, что происходит с его клиентами. Эффективность тех или иных методов, в том числе для получения лицензии, в нашей стране вообще доказывается не с помощью методов многомерного шкалирования, а измеряется в долларовом эквиваленте. И все-таки смею утверждать, что научная психология, критическая мысль необходима практике, но только не для пресловутого измерения до и после, а для осознания и осмысления своего инструментария и соотнесения его с провозглашаемыми целями и ценностями. Для повышения собственной критичности и некоего возрастания самосознания, избавленного от наивной мифологичности и манипулятивности.

Другой подход — попробовать подойти к практике как к своего рода исследовательской процедуре, ведь практика формирует новые психологические реалии. Нельзя ли рассмотреть тогда (в логике того же

генетического метода) практику как своего рода формирующий эксперимент? К сожалению, такой перенос не оправдан, так как о строго контролируемых условиях в конкретной, живой практике речи не идет.

И все-таки исследовательский потенциал практики может быть вскрыт, если пойти «за практикой»: увидеть, какие интересные факты она нам преподносит, какой опыт создает для человека, для психолога. И каждая практика приоткрывает человеческую природу по-своему, демонстрируя и воспроизводя (!) феномены человеческого сознания. Со-

знание человека, неуловимое в своем живом присутствии, может меняться на наших глазах и обнажать себя, быть зримым и реальным.

Психологическая практика — кладь знаний для научной психологии о человеке, его внутренней жизни, о его попытках изменяться, делать себя и свою жизнь. Обобщить и «увидеть» эти закономерности и факты можно, с одной стороны, погружившись в опыт практики, услышав ее голос, голоса всех участников, но одновременно вооружившись знанием и категориальным аппаратом психологии, стараясь слышать и отвечать.